

Василий Брусянин

В рабочем квартале

Ни живые – ни мёртвые

Василий Брусянин
В рабочем квартале

«Public Domain»

1904

Брусянин В. В.

В рабочем квартале / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1904 — (Ни живые – ни мёртвые)

«Наступали сумерки... С трудом отворив тяжёлую одностворчатую дверь, я перешагнул порог и очутился в крошечной комнатке. Направо в стене бледным пятном обрисовывалось оконце: молочный свет сумерек падал на убогую обстановку жилища. Под плитою перегорали обуглившиеся поленья, по неровному, скрипучему полу тянулась бледная полоса света...»

Содержание

Полчеловека	5
Три поколения	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Брусянин

В рабочем квартале

Из впечатлений счётчика последней переписи

Полчеловека

Наступали сумерки... С трудом отворив тяжёлую одностворчатую дверь, я перешагнул порог и очутился в крошечной комнатке. Направо в стене бледным пятном обрисовывалось оконце: молочный свет сумерек падал на убогую обстановку жилища. Под плитую перегорали обуглившиеся поленья, по неровному, скрипучему полу тянулась бледная полоса света...

– Кто там?.. – окликнул меня кто-то из-за дощатой перегородки.

Я несильно толкнул узкую дверцу, она отворилась, скрипнув, – и я вошёл в соседнюю комнату.

Небольшая жестяная лампочка тусклым светом озаряла грязно-серые обои стен, тёмные закоптевшие окна, стол с чайной посудой и потухшим самоваром, стулья, небольшой красненький сундучок. Направо, на постели, лежал темноволосый человек, с широким бледным лицом и с большими томными глазами. Человек этот пристально посмотрел на меня, слегка повернув лицо, и твёрдо и отчётливо спросил:

– Вам что угодно-то?..

Я сказал о цели своего посещения, напомнив негостеприимному собеседнику о пакете с листочками, которые были мною оставлены здесь вчера, и которые надо было заполнить краткими ответами на краткие вопросы.

– Кто вам будет писать-то? – не то спросил, не то с сердцем в голосе заметил черноволосый человек и сверкнул яблоками широко раскрытых глаз. – Я – неписьменный, сын мой хотя и маракует немного насчёт грамоты, да где ему! – Встанет, пойдёт на завод, вернётся в полдень, пообедает и опять... Вечером тоже рабочему человеку и отдохнуть надо...

Мой собеседник, не поднимаясь с кровати и кутаясь в одеяло, говорил удивительно покойным тоном, хотя глаза его по-прежнему пристально и сурово смотрели на меня.

– Я сам запишу, если вам некогда, – заметил я.

– Запишите, – покойно ответил он, – вон, садитесь к столу и пишите, – добавил он, мотнул головою по направлению стола, повернул лицо кверху и уставился в потолок полузакрытыми глазами.

Я достал с окна пакет, разложил на столе листочки, вынул чернильницу и перо – и приготовился писать.

– Кто же здесь хозяин квартиры?..

– Хозяин на заводе, сын мой...

– А вы кто же, жилец?..

– Я – отец его... живу у сына, а как там по-вашему – не знаю... жилец ли, или ещё как!..

– Хорошо, я начну с вас, – сказал я и спросил имя и фамилию моего собеседника.

Он сказал. Я спросил о его летах и получил новый ответ только после небольшой паузы: моя неподвижно лежавшая статистическая единица не сразу сообразила, сколько лет пребывает она этим простым знаком... Далее следовали один за другим вопросы и ответы.

– Не болеете ли вы глазами? – наконец спросил я и посмотрел в глаза темноволосого человека: ясный, острый взгляд показал мне, как нелеп был мой вопрос.

– Вас вот отсюда до волосика вижу, а чтобы подойти к вам... вот на этом уже не взыщите с меня... Безногий я, – отвечал он.

Я посмотрел на одеяло и пальто, которыми были прикрыты мнимые ноги лежавшего человека, а он громко вздохнул, уставился на меня блестящими зрачками и тихо спросил:

– И зачем вы меня, господин, записываете?.. Вот тоже... сколько-то лет тому назад... тоже перепись была... Приходит вот также человек, спрашивает, записывает, а что, толк-то из этого вышел? Что я, поздоровел, что ли? Ноги, что ли, другие мне наставили?

Он слегка поднял с подушки голову и вытаращил на меня свои глаза, с немым и дерзким запросом.

– Также спрашивали, записывали... бумагу-то марали, – с насмешкой в голосе продолжал он и после короткой паузы тихо добавил. – Умереть бы мне только по-христиански, душу-то свою искупить от грехов... Тела-то вот не уберёг...

Я молчал, посматривая на бледное взволнованное лицо человека, и ждал, когда он кончит свою длинную речь...

– В половину человека меня запишите, – снова начал он, повысив голос. – Так и обозначьте, мол, «полчеловека»... потому – ноги-то у меня до колен отрезаны, ходить не могу...

Собеседник мой сбросил с себя одеяло и пальтишко и обнажил свои, окороченные до колен, ноги. Это были толстые, неуклюжие обрубки, завёрнутые в тряпье... Я отвернулся. Взгляд мой упал на бледно-жёлтый листок бумаги с пропечатанными на нём вопросами, но вопросов этих мне не хотелось задавать: дальше следовали вопросы о занятиях...

– Ну, чего ради записывать-то вы меня пришли? А? Человек добрый!.. Вот, если какой ещё новый налог будет – так припишите, мол, с Ивана Тимофеева половину следует... Значит, как бы за половину человека... Прибавьте ещё... мол, на пособие живу: пять рублей в месяц получаю...

«Полчеловек» прикрыл одеялом обрубленные ноги, заложил за голову руки и снова уставился на меня пристальными тёмными глазами. Тихим, незлобным голосом рассказал он мне историю своего несчастья. Это было лет десять тому назад. Работал он за «Невской», был литейщиком. И вот как-то однажды он и ещё несколько рабочих несли небольшую железную шайку, переполненную расплавленным металлом... Кто-то из рабочих оступился, шайка накренилась, а всплеснувшаяся жидкость лизнула по ногам впереди шедших... Двое умерли, а он остался жив... Человек этот, – по его рассказу, некогда здоровый, работающий и смелый литейщик – теперь несчастный «полчеловек», со скорбью вспоминающий своё прошлое, озлобленный на настоящее и проклинаящий смерть – зачем она оставила жить эту, никому ненужную, половину человека!..

Я встал, простился с ним и направился к двери.

– Прощайте! – произнёс он и проводил меня до двери покойным, холодным взглядом...

Возвращаясь домой усталым, после дневной беготни с лестницы на лестницу, из квартиры в квартиру, и сидя в конке, я думал о «полчеловеке», об этой половине единицы, занесённой мною на клочок бумаги... Этот живой «полчеловек» казался мне олицетворяющим всю половинчатость жизни обитателей рабочего квартала. Квартиры их заброшены за черту города, комнатки тесны и грязны, обеспечение скудно, потребности сужены, день разделён на две половины труда – «ночную» и «дневную», – всё «в половину», всё ограничено, всё сжато в узкие рамки жизни...

Три поколения

После семи часов вечера, когда возвращается с завода дневная смена, мне надо было побывать в одной квартире. В небольшой и тесной кухне, куда вошёл я, было темно и тихо. В щель неплотно притворенной двери в соседнюю комнату падала узкая полоска света. За перегородкой направо слышался плач ребёнка, и тихая и нежная колыбельная песня нарушала тишину комнат. Из-за полога, отделявшего кровать от остальной части кухни, появилась низенькая женщина. Поправляя на голове растрепавшиеся волосы, она двинулась к полуоткрытой двери, говоря:

– Сюда вот проходите!

Она широко распахнула дверь и, посторонившись, пропустила меня в соседнюю комнату.

У стола, в простенке между окон, где висело небольшое зеркальце, сидел рыжеватый человек, в фуфайке на широких плечах, с тёмными закоптевшими руками и со смуглым от копоти лицом. Он ужинал, очевидно, только что вернувшись с завода. На кровати сидела низенькая, сгорбленная женщина, с морщинистым жёлтым лицом и с добрыми светло-голубыми глазами. Я видел ещё накануне эту старушку, и теперь, увидя меня, она догадалась, зачем я пришёл, и, приподнявшись, проговорила:

– Вот и застали... Гриша, тебя поджидали вчера! – сильно повысив голос, обратилась она к сыну.

Тот молча посмотрел на меня, опустил на скатерть ложку, утёр ладонью усы и приподнялся. Я просил его продолжать ужинать, ссылаясь на желание отдохнуть, и выкурил папиросу.

– Что?.. Не слышу я! Погромче говорите! – начал он.

На этот раз и я повысил голос и ещё раз повторил свою просьбу и желание. Рабочий опустился на стул, продолжая прерванный ужин.

– Устали, что говорить: всё на ногах, – вставила старушка и вышла; немного спустя, она внесла чашку с жареным картофелем и поставила её перед сыном.

– Оглух он совсем! – начала старушка, усаживаясь на прежнее место на кровать; она посмотрела на сына сощуренными глазами и вздохнула.

– Просто беда у нас там! Выйдешь из завода и так... словно ошалелый какой, – заметил и сын старушки. – Я рессорщик... Грохот у нас такой, что не приведи Бог – беда!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.